

- включением в его состав Почтового департамента, изменение его компетенции в связи с образованием Министерства полиции способствовали сохранению в структуре и порядке делопроизводства МВД элементов коллежско-министерского порядка управления и, как следствие этого, отодвинули время разработки общего «Образования Министерства внутренних дел» до 1832 г.
- 117 Поскольку статус учреждений придворного управления был неопределенным и противоречивым, нами перечисляются все учреждения, которые в 1826 г. были подчинены министру императорского двора и уделов, а также и Капитул российских кавалерских (см. также примечание № 34).
- 118 ПСЗ РИ-I. Т. 32. № 24971. С. 23–39.
- 119 Там же. Т. 34. № 27106. С. 814–834.
- 120 Там же. Т. 37. № 28291. С. 245–247.
- 121 ПСЗ РИ-II. Т. 1. № 541. С. 896–897.
- 122 Там же. Т. 2. № 1325. С. 702–725.
- 123 Там же. Т. 7. № 5286. С. 196–197.
- 124 Т. е. 1 января 1835 г.
- 125 Уже в качестве самостоятельного центрального государственного учреждения.
- 126 В виде единого и специального «Образования Главного управления почт».
- 127 СЗ РИ. Издание 1-е. Т. 1. Ч. I. СПб., 1832. С. 329–373, 390–428, 512–574.
- 128 ПСЗ РИ-I. Т. 32. № 24971. С. 23–39.
- 129 Там же. Т. 36. № 27982. С. 380.
- 130 ПСЗ РИ-II. Т. 2. № 1325. С. 702–725.
- 131 Там же. Т. 7. № 5286. С. 196–197; № 5866. С. 941–942.
- 132 ПСЗ РИ-I. Т. 38. № 29717. С. 1347.
- 133 Там же. Т. 40. № 30239. С. 83–85.
- 134 ПСЗ РИ-II. Т. 3. № 2307. С. 847.
- 135 Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. СПб., 1889. С. 100.
- 136 Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996. С. 115.
- 137 ПСЗ РИ-II. Т. 27. Отд. 1. № 26423. С. 455.

А. Ю. Бендин
Минск

Религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края в контексте процесса интеграции (1863–1914 гг.)

К началу XX столетия Северо-Западный край Российской империи характеризовался особенным религиозно-этническим многообразием среди других регионов Российской империи¹. Отношения, складывавшиеся между приверженцами различных конфессий и общин, нередко приводили к конфликтам, делавшим этот край проблемным религиозным пространством, наряду с Царством Польским, Юго-Западным краем и Поволжьем. Ведущее место в сложной системе межрелигиозных отношений на территории края занимали отношения между католичеством и православием, имевшие долгую историческую традицию. С включением белорусско-литовских земель в состав Российской империи на её западных окраинах на протяжении XIX – начала XX вв. происходила сложная борьба за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Результаты этой борьбы должны были определить принад-

лежность территории и населения этих земель к Речи Посполитой или к Российской империи. Противоборство, в котором столкнулись интересы российского правительства и Православной церкви с одной стороны, и интересы польского национального движения и Католической церкви с другой, после подавления польского восстания 1863 г. продолжилось в новых формах и в новых социально-культурных условиях пореформенного развития. Задачами правительства в этот период стали меры, направленные на ослабление позиций Католической церкви, на сужение сферы влияния польского языка и польской культуры в обществе, на ограничение польского землевладения.

Освобождение крестьян в 1861 г. и последовавшие после подавления польского восстания глубокие и системные реформы генерал-губернатора Северо-Западного края М. Н. Муравьева положили начало модернизации социально-экономической и религиозно-культурной жизни православного населения региона и крестьянства в целом. Являясь составной частью общероссийского процесса постепенной рационализации и европеизации общественных отношений, модернизация в Северо-Западном крае имела свои особенности. Преобразования, имевшие своей целью создание в России гражданского общества и правового государства, на территории Северо-Западного края не затронули отдельные сферы общественной жизни. В частности, область отношений государства с Римско-католической церковью. В этой области связь религии и политики в деятельности католического духовенства вызвала со стороны правительства ряд мер, расхопившихся с общим курсом, направленным на строительство правового государства. В свою очередь, кампания по обращению католиков в православие, результаты которой были закреплены действовавшим законодательством о веротерпимости, создала в Северо-Западном крае постоянные очаги религиозно-этнической напряженности. В силу указанных причин этот регион оказался средоточием религиозно-этнических проблем, которые правительство пыталось решать с помощью комплекса чрезвычайных административных мер и традиционного законодательства о веротерпимости.

Задача исследования состоит в том, чтобы выяснить мотивы политических решений, принятых относительно деятельности Римско-католической церкви; проанализировать степень сложности политических, конфессиональных и этнических противоречий и конфликтов, характерных для этого края; рассмотреть специфику взаимоотношений между процессами интеграции и проблемами модернизации религиозного законодательства.

Политика русификации и конфессионально-этнический аспект польского сепаратизма

Польское восстание 1863 г. на территории Литвы и Белоруссии изменило отношение правительства к местному римско-католическому духовенству. Опыт вооружённых выступлений показал, что действия и мотивы отдельных групп католических священнослужителей перестали соответствовать своим религиозным целям и приобрели радикальный политический характер. Деятельность этих священнослужителей была связана с пропагандой восстания, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием антиправительственных вооружённых формирований и посягательством на целостность Российского государства.

Участие ксендзов и монашествующих в вооружённой борьбе в качестве непосредственных участников и лидеров повстанцев повлекло за собой аресты, ссылки и казни духовных лиц, виновных в государственных преступлениях, закрытие в административном порядке ряда монастырей и сотен костёлов и часовен². Католические костёлы, как правило, вместе с церковным имуществом передавались в ведение православного ведомства, а затем перестраивались и переосвящались духовенством в православные храмы.

Участие в борьбе за независимость Польши в форме вооружённой борьбы и противоправная миссионерская деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжёлым негативным последствиям для Католической церкви как социального института. В результате предпринятых чрезвычайных мер по закрытию костёлов и монастырей, институциональные позиции католичества на территории края — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные — к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены³.

Следует отметить, что введение системы указанных административных правил, закрытие костёлов, часовен и монастырей, кампания по обращению католиков в православие, т. е. чрезвычайная конфессиональная политика, ставившая своей целью отодвинуть границы католицизма в крае к рубежам конца XVIII — начала XIX вв., была продиктована исключительно конкретной ситуацией. Она не исходила из общей правовой оценки Католической церкви как политически опасной религиозной организации. Предпринятые меры, несмотря на их масштабы и жесткость, не изменили и не могли изменить легального положения Католической церкви как социального института, продолжавшего существовать в крае на основе статей 44–45 «Общих законов» и действовавшего законодательства о веротерпимости. Католическая церковь в Империи сохраняла правовой статус государственной, находившейся под покровительством императора, её духовенство и епископат получали жалованье из казны, пользовались всеми установленными законом правами и привилегиями⁴.

Анализируя причины восстания, администрация генерал-губернаторов края М. Н. Муравьёва — К. П. фон Кауфмана — Э. Т. Баранова (1863–1868 гг.) исходила из убеждения, что местный католицизм исторически представлял собой явление религиозное, этнически и политически враждебное «православию и русской народности». Следовательно, миссионерская экспансия католического духовенства на западнорусских землях рассматривалась как прозелитическая деятельность, преследовавшая религиозные и политические цели — вытеснить традиционное православие с его канонической территории, с последующим «окатоличиванием» и «ополячением» местного славянского населения.

Администрация и православное духовенство в упрощённых и политизированных терминах своего времени описывала процессы, именуемые сегодня социальным производством этничности. Это была попытка ответить на сложный вопрос: почему на территории, где никогда не было этнических поляков, где исторически проживало православное население, исторически же идентифицировавшее себя как русское, возникло польское этническое самосознание и многочисленная группа лиц из высших и низших сословий и, прежде всего шляхта, идентифицирующая себя в качестве польской? Применяя современные методы изучения этничности, эти процессы можно описать следующим образом. Инструментом социального производства польской этничности стала миссио-

нерская работа католического духовенства по обращению белорусов — православных и униатов в католичество. Созданные в результате церковной миссии католические приходы, находившиеся среди белорусского униатского, а затем и православного населения, принадлежавшего к «русской вере», становились точками роста и формирования польского этнического самосознания прихожан, никогда не являвшихся этническими поляками. Отождествление католицизма с польской идентичностью, осуществляемое духовенством в жизни приходов, применение польского языка в проповеди, дополнительном богослужении, в молитвословах, а значит — и в повседневной молитвенной практике, конструировали новое этническое самосознание бывших приверженцев «русской веры».

Православное окружение и жесткая централизация управления способствовали формированию высокого уровня внутренней церковной сплочённости. Католические приходы, находившиеся среди белорусских православных общин, являлись эффективной формой организации религиозной жизни местного населения, интегрируя представителей различных сословий и этнических групп в новую польскую конфессионально-этническую общность. В таких приходах структура народной жизни все больше определялась польской церковной традицией. Тем самым, принадлежность к Католической церкви становилась способом этнического самоопределения, а местный католицизм приобретал, в свою очередь, этноцентрический польский характер.

Развернутая идеологическая концепция, характеризующая позицию администрации в отношении местного католицизма, содержится в материалах Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края, созданной при генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане в Вильно в январе 1866 г. В записке о деятельности этой комиссии, составленной её председателем А. П. Стороженко, в частности отмечалось: «Особенность здешнего католицизма заключается в его политическом характере и в стремлении к расширению и религиозной пропаганде... Католицизм с первого появления его в здешнем крае явился главнейшим рычагом и пособником полонизма. Это обусловило политическую враждебность русскому государству и русским началам... Это определило особую религиозную враждебность здешнего католицизма к православию... Католицизм Северо-Западного края давно переступил за пределы свои как религия. Политически враждебная деятельность его против России, фанатическая нетерпимость и пропаганда против православия не требуют доказательств. Ввиду этого, не обязано ли государство сдержать католицизм в законных границах и, не касаясь его сущности как религии, не посягая на его догматы — изъять из него и преобразовать в нем все, что он включил в себя враждебного и антигосударственного?»⁵.

По мнению губернаторов Северо-Западного края, выраженному в политических отчётах императору Александру II в 1865–1866 гг., католическое духовенство, усилившее свои позиции в крае в предшествующие десятилетия, в решающей степени подготовило религиозно-этническую мобилизацию повстанцев 1863 г. На этом основании делался вывод о том, что ревностная приверженность к католицизму значительных групп местного населения и, прежде всего, шляхты, идентифицирующей себя в качестве польской, явилась тем условием, без которого антироссийское восстание на этих традиционно русских землях с преобладающим численно православным населением, было бы невозможно. Сохранение же на территории края в существующем виде силы, влияния, масштабов и мето-

дов распространения католического вероучения с его польской этнокультурной составляющей, представлялось политически опасным для сохранения целостности государства. Администрация исходила из того, что сформированный местной католической традицией антиправительственный и миссионерский потенциал духовенства, опирающийся на социальную элиту местного общества — польских помещиков и шляхту, несёт в себе реальную угрозу возникновения новых сепаратистских выступлений и требует введение системы соответствующих ограничительных мер⁶.

Политика правительства в решении вопроса об отношении к местному католицизму заключалась в том, чтобы, не отказываясь от соблюдения правовых норм веротерпимости, разъединять исторически сложившуюся сопряжённость религиозных и национально-политических задач, характерную для деятельности части католического духовенства в Северо-Западном крае, и вводить эту деятельность в сугубо религиозное и законопослушное русло. Сложная правовая и религиозно-политическая ситуация, в которой оказалась администрация региона, осмысливалась её представителями следующим образом:

«Закон установил, и практика государственная осуществила принцип широкой веротерпимости, как основание всех отношений государства к заключающимся в нем иноверным исповеданиям. Принцип этот не может и не должен быть ничем не нарушаем. Как бы известная мера не казалась желательной и плодотворной по своим последствиям, но если она противоречит вышеозначенному принципу, то сам закон не допустит ее до осуществления. Такая терпимость католицизма и его неприкосновенность со стороны государства, рядом с нетерпимостью католицизма по отношению к государству и православной вере и открытой к ним враждебности, — составляют ту дилемму, — которая создает главнейшую трудность практического разрешения вопроса о католицизме в России, делает вопрос этот без сравнения труднейшим из всех других вопросов внутренней политики государства»⁷.

Политическим инструментом разъединения религии и польского национализма стала практика администрирования, особая сложность применения которой заключалась в том, чтобы при осуществлении мер ограничительного характера не давать повода латинскому духовенству и местному населению для обвинения правительства в противозаконном преследовании католической веры⁸.

В дополнение к существующим законам, регулировавшим деятельность Римско-католической церкви в Империи, в Северо-Западном крае вводился ряд административных распоряжений, которые ограничивали религиозное влияние духовенства на канонически подвластное ему население. Необходимость установления административного надзора над белым духовенством и монашеством мотивировалась тем, что нелояльные к правительству ксендзы и монахи во время восстания использовали свою духовную власть над паствой в качестве инструмента политической мобилизации. Следовательно, необходимо было не допустить ситуации, когда духовная власть сможет трансформироваться в политическую и выступить в качестве противника государственного порядка в Северо-Западном крае. Практически все участники восстания 1863 г., преследовавшего цель восстановления независимой Польши в границах 1772 г., принадлежали к Римско-католической церкви. Следовательно, опасным для правительства было то, что в экстремальной ситуации для определённой группы населения религиозная при-

верженность к своей национальной Церкви получала приоритетное значение в сравнении с политической лояльностью к российскому государству.

Установленный в условиях военного положения 1863–1868 гг. контроль губернской администрации над римско-католическим духовенством фактически подменял собой каноническую власть местного епископата, законный характер которой подтверждался законодательством о веротерпимости. Появление административного нормотворчества было вызвано недоверием администрации к политической лояльности местного католического духовенства, часть которого участвовала в восстании и прозелитизмом среди православных дискредитировала себя в качестве законопослушных христианских пастырей. Поэтому действовавшие правовые нормы регламентации деятельности этого духовенства с точки зрения безопасности государства и защиты прав «господствующей» Православной церкви, представлялись администрации края недостаточными и неэффективными⁹.

В системе административных мер, введённых правительством и генерал-губернаторами в Северо-Западном крае можно выделить три основных направления. Первое — надзор губернаторов над римско-католическим духовенством в форме контроля над поездками духовенства и монашества за пределы своих приходов и монастырей, назначением ксендзов на приходы и административные церковные должности, поступлением в монастыри и духовные семинарии, содержанием проповедей священников и т. д. В качестве мер административного наказания за правонарушения со стороны духовенства губернаторы применяли практику наложения денежных штрафов, отстранения ксендзов от должности или перемещения их на другие приходы¹⁰. Второе — меры по ограничению ритуально-обрядовой составляющей римско-католического культа. Были упразднены католические братства при костелах, запрещены крестные ходы вне костёлов, самовольная постановка римско-католических крестов на полях и дорогах и т. д.¹¹ Третье — контроль губернских властей за ремонтом и строительством костёлов и часовен¹².

Цель нового политического курса по отношению к местному католицизму в 1864–1868 гг. заключалась в том, чтобы с помощью чрезвычайных мер упразднить потенциальную опасность появления новых антироссийских выступлений с участием представителей католического клира. Более того, памятуя, что ведущей социальной силой прошедшего восстания была местная шляхта, что, впрочем, и предопределило его политическую слабость, правительство, с помощью указанных превентивных мер, стремилось предотвратить возможность участия в будущих выступлениях белорусского католического крестьянства, что придало бы польскому национальному движению массовый характер. Для этого необходимо было не допустить «смещения» функций духовенства в сферу прозелитизма, политических и национальных проблем, направляя их на выполнение установленных законом и каноническим правом сугубо профессиональных религиозных обязанностей. Одним словом, действовавшее законодательство и политика правительства препятствовали тому, чтобы священники католических костёлов и монастырей совмещали богослужение и преподавание таинств с продуцированием идеологии секулярного характера — идеи о возрождении польского государства в границах 1772 г.

Складывалась довольно парадоксальная ситуация, когда светская власть, преследуя свои политические цели, вынуждена была указывать католическому

духовенству о недопустимости «смешения понятий народности и религии». Совмещение религиозного служения духовенства с распространением секулярной идеологии в форме польского светского национализма, придавало ему церковный характер, что с точки зрения МВД было несовместимо не только с российскими законами, но и с основным содержанием христианского благовестия, которое относится к вечной жизни, воскресению и Царству Божьему¹³.

В 1868 г. в Северо-Западном крае, за исключением отдельных уездов, военное положение было отменено. Следовательно, правительство признало, что основные задачи по ликвидации непосредственных причин возникновения восстания и наказания его участников, были уже решены. Однако базовые направления конфессиональной и этнической политики правительства в Северо-Западном крае, призванные окончательно закрепить этот регион за Россией, оставались неизменными. Они были сформулированы М. Н. Муравьевым, рассмотрены Западным комитетом и одобрены Александром II 27 мая 1864 г. Комитет признавал «неподлежащим никакому сомнению признание Северо-Западного края русским, составляющим древнее достояние России». Одним из ключевых пунктов политической программы Комитета стало введение административного контроля над деятельностью Римско-католической церкви в западном регионе. Пункт третий программы гласил: «Преграждение римско-католическому духовенству возможности противодействовать постановлениям правительства посредством учреждения за ним повсюду строжайшего наблюдения и неуклонного взыскания за всякие отступления от законного порядка и, в особенности, за манифестации в смысле польской пропаганды»¹⁴.

Преемственность указанного политического курса была подтверждена Александром II в указах об изъятии из ведения главного управления Северо-Западным краем трех губерний: Могилевской — 27 июня 1869 г., Витебской — 2 ноября 1869 г. и Минской — 25 декабря 1870 г., и подчинения их непосредственно МВД. В новых условиях правительство по-прежнему ставило своей целью: «Упрочение русской народности в Западном крае, ограничение преобладания польской национальности и преграждение польской пропаганды путем религиозным»¹⁵.

Поэтому введённые по политическим мотивам административные меры носили долговременный характер и, за некоторыми исключениями, продолжали действовать в крае вплоть до начала XX столетия¹⁶.

Римско-католический епископат Могилевской митрополии, оценивая конфессиональную политику правительства этого периода в записке, поданной министру внутренних дел 13 января 1912 г., осторожно признавал, что «административные ограничения и распоряжения, стеснявшие жизнь и деятельность Римско-католической церкви в период 1864–1904 гг. были вызваны и, по видимому, оправдывались предыдущими историческими событиями»¹⁷.

Следует отметить, что меры, предпринятые правительством по отношению к Католической церкви, явились составной частью политики системной русификации Северо-Западного края, начатой реформами М. Н. Муравьева с целью упразднения социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством. Предполагалось, что осуществление этой политики существенно сократит степень воздействия Католической церкви на местное население и ослабит постоянную угрозу польского сепаратизма на западных окраинах Рос-

сийской империи. Политика системной русификации, которая в той или иной степени затрагивала все этнические группы, населявшие Северо-Западный край, с экономической, социальной и культурной точки зрения преследовала общую цель — модернизацию региона и постепенную интеграцию его в состав Российской империи. Процессы модернизации и русификации, инициируемые правительством и протекавшие с различной степенью интенсивности, выступали как две взаимозависимые составляющие общего процесса пореформенной трансформации социально-экономической и культурной жизни Северо-Западного края.

Религиозной составляющей политики русификации стала государственная поддержка миссии Православной Церкви, предполагавшей её территориальный рост, активное строительство новых храмов и расширение этнических границ «русской народности» — православных белорусов, путем обращения католиков в православие. Вооружённые выступления польской шляхты в 1863 г. убедили правительство, что отмена крепостного права и принадлежность крестьян-белорусов к православию стали своего рода иммунитетом против социально-уравнительной и националистической пропаганды местных руководителей восстания — В. Калиновского и др.

Усиление социальных позиций Православной церкви в западных епархиях должно было способствовать формированию устойчивой русской идентичности православного крестьянского населения, которое рассматривалось после восстания 1863 г. в качестве основной опоры правительства в этом регионе. Иными словами, речь шла о развитии процесса интеграции белорусской паствы в конфессионально-этническую общность большого русского народа, состоявшего из православных белорусов, малороссов и великороссов. Следует отметить, что понятие русский, бытовавшее в этот период, не являлось этнонимом в своем прямом значении. Для этого понятие было характерно не узкоэтническое, а конфессиональное содержание, делавшее его инклюзивным, расширительным. Согласно традиционным представлениям, существовавшим до первой советской переписи населения 1926 г., все этнические группы, принадлежавшие к Православной церкви — малороссы, великороссы и белорусы — считались русскими. Поэтому понятия «русский» и «белорусский» не исключали друг друга, а наоборот, являлись синонимами. Они накладывались один на другой, составляя не гомогенное целое, но культурно сложное единство, формирующееся на основе общей православной идентичности, русского языка, и церковнославянского языка богослужения¹⁸. Русификация не ставила своей целью насильственно переделать белоруса в великоросса, как это настойчиво утверждает современная белорусская «национальная» историография. Речь шла о процессе интеграции этнически родственных православных белорусов в состав большого русского народа на основе общих конфессиональных и культурных ценностей.

Интересы местного католицизма, последовательно и настойчиво отстаивавшего польскую идентичность своей белорусской и литовской паств, и политика интеграции, осуществляемая правительством, находились в постоянном противоречии. В связи с этими обстоятельствами системная русификация края и проблемы веротерпимости оказались взаимосвязанными¹⁹.

Для непримиримо настроенной части католических священнослужителей и мирян правовые и административные ограничения, наложенные на деятельность церкви, придавали новый импульс для сохранения настроений религиозного и

национального протеста. Для этих настроений было характерно негативное отношение к Православию не только как чуждой религии, но и как олицетворению российской государственности и «русской народности». На практике это означало противодействие ксендзов заключению смешанных браков католиков с православными, незаконное преподавание св. Таинств лицам, формально числившимся православными, прозелитизм, создание тайных польских школ для обучения закону Божьему, запрещение католикам посещать православные церковно-приходские школы, порицание православия и русофобию²⁰.

Религиозной основой нелегального миссионерства являлось догматическое учение, в соответствии с которым единственной истинной и непогрешимой Церковью, вне которой никто не может достигнуть вечного спасения, является Церковь Римская. Позиция сотериологического и экклезиологического эксклюзивизма позволяла рассматривать православных как схизматиков, т. е. раскольников, которые отпали от истинной Церкви и которых необходимо для их же спасения возвратить в лоно католицизма. Миссионерские приёмы, к которым прибегали ксендзы для обращения схизматиков в католицизм, являлись противоправными, так как законы Российской государства карали виновных в прозелитизме среди православного населения. Совращение православных подданных Империи в инославию, иноверие и «раскол» означало посягательство на права «господствующей» в Империи Православной церкви и расценивалось российским законодательством в качестве противоправного действия, наказуемого в уголовном порядке. Поэтому существовавшее противоречие между вероучением Католической Церкви, вмещающей миссию среди схизматиков-православных в обязанность духовенству, и российским законодательством, запрещающим подобную практику, рассматривалось ксендзами как проявление религиозной нетерпимости со стороны православного государства. Против священников, занимавшихся прозелитизмом, предпринимались меры уголовного и административного характера²¹.

Особое совещание, обсуждавшее в 1899 г. новый проект «Уголовного уложения», рассматривало, в частности, и вопрос о наказаниях, налагаемых на духовных лиц иноверных исповеданий по особым постановлениям, вынесенным в административном порядке. К таковому Совещанию отнесло: «Изданные разновременно, со времени смут в Западном крае, на основании высочайше утверждённых журналов б. Западного комитета в 1864 г. и донныне действующие распоряжения о преграждении римско-католическому духовенству в этом крае уклоняться от исполнения постановлений правительства и проявления религиозно-политического фанатизма».

Оценивая ретроспективно эффективность предпринятых в свое время административных циркуляров, Совещание отметило: «По данным, извлеченным из дел генерал-губернаторского управления Северо-Западным краем, где главным образом проявлялось враждебное отношение римско-католического духовенства ко всему православному и русскому, наиболее действенными мерами к прекращению этих нежелательных явлений оказались денежные штрафы и смещения виновных с приходов. Под действием этих карательных мер, как известно опытом, быстро сократились и сокращаются, между прочим, посягательства ксендзов на права господствующей церкви и другие проявления религиозных заблуждений»²².

Законодательство о веротерпимости и религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края

Отмеченными «Особым совещанием» враждебными настроениями и случаями прозелитизма со стороны ксендзов в отношении к Православию не исчерпывались проблемы религиозной напряжённости в Северо-Западном крае. К началу XX столетия нерешённым вопросом оставалась проблема «упорствующих» в латинстве. Как правило, ими являлись бывшие униаты, переведённые в Православие после 1839 г. и не сумевшие доказать свою принадлежность к Римско-католической церкви, и часть католиков, которые после подавления польского восстания 1863 г. перешли в Православие, но затем, спустя некоторое время, по разным причинам решили вернуться в католицизм. Относительно последней группы «упорствующих» имеются многочисленные свидетельства о том, что переход в православие целых католических приходов осуществлялся в этот период не без помощи административного нажима²³. Имелись также случаи перехода в православие по причинам материальной выгоды, в частности, — получение принявшими православие местными католиками казённой земли в Виленском уезде. Эти люди формально, по приходским спискам, числились православными, но отказывались исполнять христианские обязанности по православному обряду и при этом не могли выйти из Православной церкви и присоединиться к Церкви Римско-католической. В результате неподчинения канонической дисциплине Православной церкви эти лица теряли ряд гражданских прав, в частности не могли заключать законные браки, поэтому их дети являлись незаконнорожденными, появлялись проблемы с наследованием имущества, принесением присяги с участием православного духовенства и т. д. В свою очередь, католические священники под угрозой наказания не могли принимать «упорствующих» для участия в таинствах и обрядах своей Церкви, следовательно, эти лица, с точки зрения канонического права обеих Церквей, оказывались вне церковных стен, следовательно, — вне религии²⁴.

Существовали и так называемые «колеблющиеся», формально соблюдавшие православную церковную дисциплину, но не сделавшие, в силу существовавшего запрета, свой окончательный конфессиональный выбор.

Появление проблемы «упорствующих» и «колеблющихся» связано с тем, что российское законодательство исходило из принципа юридического распределения подданных по их вероисповедной принадлежности. Этот принцип распространялся на все легальные религиозные сообщества Империи, включая в первую очередь, господствующую Православную церковь. По разъяснению обер-прокурора Святейшего Синода, сделанному в отчёте за 1886 г.: «Вероисповедная принадлежность православных определяется посредством выписок из православных метрических книг о рождении, крещении или присоединении известного лица к православной церкви, *так как закон российского государства не признаёт отпадения от православия* (выделено К. К. Арсеньевым. — А. Б.)»²⁵.

Закон не допускал перехода православного лица в другое, хотя бы христианское, вероисповедание, и Православная Церковь не переставала считать отпавшего своим членом, сохраняя его в ведении православного духовного начальства. Православное духовенство обязано было увещать отпавших впредь до возвращения их в Церковь.

«Законодательство наше, по мнению Правительствующего Сената, смотрит на отступление от Православия, как на состояние не только воспрещённое законом, но и преступное, которое никогда не может сделаться состоянием законным; а следовательно, присоединение православного к другому вероисповеданию, являясь действием преступным, как со стороны присоединившего духовного лица, так и присоединённого, не может создать законной принадлежности последнего к сему вероисповеданию со всеми пристекающими от таковой принадлежности законными последствиями»²⁶.

В основе этого правового запрета лежало церковное мировоззрение, в соответствии с которым выбор единственной истинной веры — православия — может быть сделан всего один раз, и вся последующая религиозная жизнь может осуществляться только в стенах избранной Православной церкви. Отпадение от истинной Церкви рождённых в православии или перешедших в него из других вероисповеданий, означало принятие губительного религиозного заблуждения, выступавшего в виде чужой веры, ереси или раскола.

Необходимость законодательной защиты особого статуса православия в Империи имела и традиционное этнополитическое обоснование. Мотивацией такой защиты служил бесспорный исторический факт, что православие является традиционной религией русского народа, которое «создавало и охраняло единую Россию». Это давало основание официально рассматривать переход из православия в другие вероисповедания «как торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отпращивается на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твёрдых в государственном патриотизме»²⁷.

Монархия использовала религиозно-нравственную силу господствующей церкви для упрочения своей легитимности в среде русского населения. Более того, предполагалось, что общество не может быть стабильным без утверждения государством истинности одной господствующей церкви, которая действует в роли социальной скрепы этнического русского большинства, и выступает в качестве важнейшего инструмента для воспитания верности и послушания российской монархии. Действовавшее законодательство утверждало традиционное представление о том, что будто истинность Православной церкви требует для своей защиты государственного принуждения в форме запрещения легального выхода из православия и правовой дискриминации старообрядцев и сектантов.

Поэтому закон, защищая достоверность Русской Церкви как эксклюзивной религии спасения, сохранял тем самым её монопольное право на исключительную власть над находящимся в её юрисдикции населением, прежде всего — над этнической группой русских — великороссов, малороссов и белорусов. Легальная привилегия Православия выступать в качестве единственной истинной религии русского большинства населения, являлась одним из инструментов политики, направленной на сохранение целостности Российской империи.

Император Николай II, просматривая отчёт минского губернатора Мусина-Пушкина за 1902 г., обратил внимание на ту часть доклада, в которой говорилось о положении проживавших в некоторых уездах губернии «упорствующих» в латинстве. Губернатор писал:

«Положение этих лиц представляется крайне тяжёлым. Приписанные против воли к числу прихожан Православной церкви, они в таковую не ходят и об-

рядов её не исполняют. С другой же стороны католическое духовенство, в силу официального присоединения, треб для них не исполняет, в силу чего дети упорствующих в целых деревнях и посёлках остаются некрещёнными, а мёртвые без христианского погребения. Эта жизнь вне Церкви и даже вне христианства представляется ужасной с не только нравственной стороны, но и вызывает весьма серьёзные административные и юридические осложнения... Во избежание всего вышеизложенного, в целях дать возможность 9500 человеческих душ помолиться Господу Богу и вернуть их Церкви, будет она православная или римско-католическая, мне представлялось бы крайне нужным вопрос этот рассмотреть и установить в деле «упорствующих» какой-либо порядок»²⁸.

На изложенную часть доклада последовала высочайшая отметка императора. Министр внутренних дел должен был выяснить причины возникновения религиозной проблемы и предложить способ её решения. В апреле 1904 г. В. К. Плеве подготовил доклад императору, в котором сообщалось следующее:

«Представленное графом Мусиным-Пушкиным современное положение «упорствующих» подтверждается имеющимися в министерстве внутренних дел сведениями по этому предмету... Явление это, впрочем, не единичное, и наблюдается во всех почти местностях западных окраин России, где коренное русское население, целыми веками непосредственно соприкасаясь с польским, не устояло перед сильным натиском латинского духовенства и польской культуры... Не подлежит сомнению, — писал он, — что исследование положения, хотя бы столь незначительной группы упорствующих в Минской губернии, не только вызвало бы брожение в их среде, но и не замедлило бы отозваться новой вспышкой при-смившей пока пропаганды среди колеблющейся 100-тысячной массы бывших униатов Привисленского края, где лишь недавно успели стихнуть последние отголоски печальных народных волнений 1897 г.»

В. К. Плеве предлагал императору, сохраняя общее направление политики, инициированной в Северо-Западном крае генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, не прибегать к мерам административного давления на «упорствующих» Минской губернии, и предоставить решение этой проблемы «испытанным борцам за православие и русскую народность» — светским учителям и пастырям Православной церкви²⁹.

Реалистичность предлагаемого подхода в решении указанной проблемы, рассматриваемой министром как «предстоящая упорная борьба со злом»³⁰, не вызывает доверия прежде всего тем обстоятельством, что сорокалетний опыт применения различных мер как репрессивного, так и просветительно-миссионерского характера со стороны администрации, системы народного образования и Православной церкви, не принесли заметных результатов. В сложившейся ситуации длительного религиозно-этнического противостояния «упорствующих» с одной стороны, администрации и православного духовенства — с другой, политический расчёт на успешную результативность миссионерской и просветительской деятельности духовенства и учителей народных училищ представляется нереальным. Миссионерская активность местного духовенства среди старообрядцев, сектантов и «упорствующих» по оценке самих епархиальных миссионеров была чрезвычайно низкой³¹. Не было никаких оснований предполагать, что и в обозримом будущем она станет более эффективной. Тем более, что в западных епархиях отсутствовала специальная церковная миссия для обращения католи-

ков в православие. Столь же нерациональным представляется и предполагаемый расчёт министра на просветительскую деятельность русских народных училищ. «Упорствующие» последовательно и настойчиво демонстрировали свою польскую идентичность³². Они рассматривали русские школы в качестве инструмента обрусения польского населения, которому они сопротивлялись столь же настойчиво, как и православному миссионерству.

Поэтому решение этого, столь затянувшегося вопроса, предлагаемого императору министром внутренних дел, трудно назвать решением в полном смысле этого слова. Это скорее ситуативная попытка смягчить проблему веротерпимости, болезненную для правительства и Православия, но отнюдь не решить её по существу, т. е. в интересах самих «упорствующих». Познакомившись с докладом министра внутренних дел, император 22 апреля 1904 г. поручил В. К. Плеве поставить в известность минского губернатора, что «принятие каких-либо мер в отношении современного положения “упорствующих” в латинстве не благовременно»³³.

Факт существования «упорствующих», ставших формально православными, но не желавших подчиниться государственно-церковному принуждению к принятию православия и продолжавших отстаивать свое право на возвращение в католичество, свидетельствовал о сложившемся противоречии между принципом «свободы веры» для неправославного населения империи, закреплённом в «Основных законах», и привилегированным статусом «господствующей» Церкви. Выход из этого противоречия можно было осуществить только с помощью реформирования существовавшего законодательства о веротерпимости.

Интеграционный потенциал указа 17 апреля 1905 г.

Состоявшееся после гибели В. К. Плеве в июле 1904 г. назначение бывшего Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского на пост министра внутренних дел означало, что верховная власть намеревается серьёзно приступить к разработке нового политического курса в области религиозной и национальной политики.

Ранее, находясь на посту Виленского генерал-губернатора, в своем отчёте за 1902–1903 гг. П. Д. Святополк-Мирский предлагал императору пересмотреть основы государственной политики в Северо-Западном крае по таким острым проблемам как взаимоотношения с польским населением, состояние отношений между православными и католиками, положение русской школы и т. д. Предложения П. Д. Святополк-Мирского, сделанные им в бытность генерал-губернатором, легли в основу программы деятельности его на посту министра внутренних дел.

В свою программу новый министр внёс вопросы о реформировании законодательства о веротерпимости, расширении самоуправления, изменениях в политике в отношении окраин и т. д. К началу декабря программный доклад и проект соответствующего указа были готовы. Окончательный вариант проекта указа было поручено подготовить С. Ю. Витте как председателю Комитета Министров, на который была возложена разработка основных направлений по реализации изложенных в нём мероприятий. Подробной разработкой мероприятий должны были заниматься специально для этого образуемые Особые совещания. 12 декабря 1904 г. императором был утверждён именной высочайший указ пра-

вительствующему Сенату «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка»³⁴.

В пункте шестом указа говорилось: «Для закрепления выраженного нами в манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освящённую Основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, подлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не указанного, стеснения»³⁵.

На своих заседаниях, происходивших 25 января, 1-го, 8-го, 15-го, 22-го февраля и 1 марта 1905 г. Комитет Министров под председательством С. Ю. Витте обсудил вопросы, вытекавшие из пункта 6 указа 12 декабря 1904 г., изложив свои выводы в форме принципиальных положений и дополняющей их развернутой программы конкретных мер, сжатая совокупность которых легла в основу высочайшего указа Сенату «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости», утверждённого Николаем II 17 апреля 1905 г. Новый закон признавал необходимым:

- разрешить проблему «упорствующих» путём упразднения запрета на выход из Православия без ущерба для гражданских прав;
- легализовать деятельность старообрядческих и сектантских общин;
- осуществлять преподавание закона Божьего на «природном языке учащихся»;
- снять административные ограничения на деятельность духовенства Католической Церкви, введённые после польского востания 1863 г.;
- пересмотреть религиозное законодательство относительно мусульман и буддистов³⁶.

В результате действия Указа в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г., из Православия в Римско-католическую церковь перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) 33 382 человека обоего пола, по губерниям белорусским (Витебская, Могилёвская, Минская) 22 404 человека. Всех отпавших от господствующей Церкви на территории 6-ти губерний за этот период насчитывалось 55 786 душ обоего пола. Пик отпадений от православия выпал на 1905–1907 гг. За эти годы вернулось и было обращено в католичество по губерниям Северо-Западного края: Ковенской — 1 130, Виленской — 25 480, Гродненской — 4 048 человек. По белорусским губерниям: Витебской — 4 017, Минской — 14 493, Могилёвской — 1 387 человек³⁷. Как видно из приведённых цифр, Православие в регионе не понесло существенного урона. С отпадением «упорствующих» Церковь избавилась от серьёзного источника религиозного недовольства, дестабилизировавшего церковную жизнь в приходах и создававшего напряжённые отношения между духовенством и верующими обеих Церквей.

В дополнение к Положению Комитета Министров, утверждённого 11 февраля 1905 г., об отмене всех постановлений, стесняющих свободу исповедания веры и не основанных прямо на законе административных распоряжений, 26 декабря 1905 г. было принято несколько законоположений относительно Римско-католической церкви. Отныне правовому регулированию подлежали вопросы, решавшиеся ранее в порядке административного управления. К ним относились:

проведение крестных ходов и религиозных процессий, постройка крестов и священных изображений, порядок назначения, перемещения и увольнения приходского духовенства, порядок отлучек духовных лиц римско-католического исповедания³⁸. Введение новых законоположений свидетельствовало о возвращении церковной жизни, подвергавшейся административной регламентации в 1864–1904 гг., в нормальное легальное русло. Однако, решив одни проблемы, указ породил и обострил другие, не менее сложные. Продолжавшиеся в крае религиозные конфликты в основном были связаны с попытками незаконного миссионерства со стороны католического духовенства, опиравшегося на экономическую поддержку местных польских помещиков³⁹.

Соизмеряя эффективность действия указа о веротерпимости с интересами Православной церкви и государства, министерство внутренних дел, подводя итоги четырехлетнего функционирования модернизированного института веротерпимости, в полемике со Святейшим Синодом высказалось в защиту дальнейшего реформирования религиозного законодательства. МВД, опираясь на статистику, отражавшую реальное число и динамику отпадений от православия, утверждало, что издержки риска в результате применения указа 17 апреля для «господствующей» церкви в целом оказались невысоки. В этой связи в качестве основного получателя политических дивидендов новой религиозной политики называлось государство. Политический прогноз, сделанный МВД, основывался на том, что развитие интеграционных процессов в Империи будет зависеть от проведения последовательной и устойчивой конфессиональной политики, основанной на принципах указа 17 апреля и манифеста 17 октября 1905 г.

«Если православие не терпит ущерба от новой вероисповедной системы, то соображения государственной политики заставляют правительство относиться с тем большей осторожностью ко всякому сужению вероисповедной свободы, так как призраки религиозного гонения всегда будут использованы врагами русской государственности и Православной церкви во вред им, и всякое проявление религиозной нетерпимости, как бы незначительно оно ни было, будет отдалять столь необходимое для государственной мощи культурное сплочение инородческих окраин с центром»⁴⁰.

Примечания

- 1 Северо-Западный край включал в себя губернии — Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилёвскую. По определению профессора Н. И. Петрова, во второй половине XIX в. Белоруссия как регионально-этнический феномен включала в себя Могилёвскую и Витебскую губернии, за исключением трёх уездов последней — Динабургского, Люцинского и Режицкого. Белорусы проживали также в губерниях Минской и Гродненской, за исключением южных уездов, населённых малороссами, в большей части Виленской губернии, за исключением её северо-западного региона, и в Смоленской губернии. В этническом отношении народонаселение региона выглядело следующим образом: славян русских — 3 474 883, поляков — 744 410, литовцев — 2 295 300, евреев — 1 200 522, немцев — 149 020, татар — 14 839; разных народностей — 74 598, всего — 7 953 573. Вероисповедный состав населения Северо-Западного края включал в себя: Православных (со старообрядцами) — 3 699 995 (49,3 %); католиков — 2 677 619 (34,2 %); евреев — 1 200 522 (15 %); прочих вероисповеданий — 105 437 (1,5 %). (См.: Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано при МВД П. Н. Батюшковым. СПб., 1890. С. 1, 373; Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. II / Составил и издал С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. XXXV).

- 2 *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889. С. 364; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Политическое отделение. Д. 46. Л. 11–12, 18, 19, 33, 50; Оп. 1869. Д. 946. Л. 1–29; Ф. 604. Оп. 5. Д. 329. Л. 59.
- 3 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1867. Политическое отделение. Д. 147. Л. 7, 13, 22; Оп. 1869. Д. 1289. Л. 1–26; ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 13; *Брянцев П. Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 67.
- 4 Главные принципы имперской веротерпимости в области государственно-религиозных и межрелигиозных отношений нашли свое законодательное воплощение в статьях 44 и 45 «Основных законов Российской империи». Так, ст. 44 гласила: «Все, не принадлежащие к господствующей Церкви, подданные Российского государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие на российской службе или временно в России пребывающие (в), — пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной». В ст. 45 «Основных законов» говорилось, что «Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи». (Основные государственные законы // СЗ РИ. Т. I. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 44–45.; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1857).
- 5 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64.
- 6 Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199; *Граф М. Н. Муравьев*. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863–1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 9–56; Д. 1340. Л. 62–63.
- 7 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 62–63.
- 8 ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 23–28; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 5.
- 9 В отчёте императору за 1865 г. М. Н. Муравьев утверждал: «Вера того края (т. е. римско-католицизм) не есть вера, а политическая ересь; а римско-католические епископы, ксендзы и монахи не составляют духовенства, а политических эмиссаров, проповедающих вражду к русскому правительству и ко всему, что только носит название русского и православного». К такой религии, по мнению Муравьева, «не приложимы существующие меры беспечности и так называемой веротерпимости, при которых римско-католической пропаганде дозволялось проникать всеми возможными путями к достижению преступной цели ополчению края, благодаря чему римско-католическому духовенству удалось в издревле русском крае обратить городское население в католичество и довольно значительную часть сельского». (Цит. по: *Миловидов А. И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 34).
- 10 ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 2–10, 14, 16; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1360. Л. 16, 91; Оп. 1864. Д. 1333. Л. 1–2.
- 11 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1349. Л. 3; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 1–7.
- 12 ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 1, 12.
- 13 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 2.
- 14 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1864. Политическое отделение. Д. 2096. Л. 3–5.
- 15 Там же. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48об.; Д. 97. Л. 6; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.
- 16 ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 748. Л. 1–3; Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1877. Д. 13. Л. 18, 33.
- 17 Там же. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 7.
- 18 Для преодоления доминирующего положения польской культуры с ее высокоразвитым литературным языком народное образование (светское и церковное), по проекту графа М. Н. Муравьева, должно было строиться на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял локальный белорусский в качестве автохтонного наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, то есть выступал как инструмент национальной модернизации. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской Церкви. Белорусское наречие оставалось средством локальной коммуникации в крестьянской среде. В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два проекта национального строительства, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только русский как язык развитой дворянской культуры. Использование польскими националистами белорусскоязычных изданий, печатанных на

латинице в качестве альтернативных изданиям русским, заставляло администрацию рассматривать этот издательский проект как акцию политически оппозиционную и прибегать к запретительной практике. (См.: Сборник статей разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. II / Составил и издал С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447). Следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусскоязычной литературы на кириллице *никогда* не существовало. (См. подробнее: *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 261–292).

- 19 «В происходящей здесь борьбе двух народностей, польской и русской, полонизм опирается не на патриотизм и нравственные силы польского общества, которого здесь нет, несмотря на чрезвычайные усилия местного дворянства во что бы то ни стало быть поляками, а исключительно на католицизм, доведённый здесь до фанатизма. Всем известен характер католицизма, с неукротимой силой стремящегося всеми дозволенными и недозволенными средствами к своему распространению: в этом отношении он совершенно сошёлся с полонизмом, имеющим то же самое свойство». (Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. I / Составил и издал С. В. Шолкович. Вильна, 1885. С. 325.
- 20 ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Д. 1104. Л. 1–4; Д. 2542. Л. 17–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194; Д. 256. Л. 167; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Л. 13–29; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 25–27; Священник *Иоанн Никифоровский*. Особая трудность пастырского служения в приходах со смешанным населением // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 100–102.
- 21 РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 255. Л. 1; Д. 258. Л. 1; Д. 262. Л. 1; Д. 264. Л. 4; Д. 265. Л. 6–7; Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194, 209.
- 22 Там же. Оп. 10. Д. 8. Л. 316–317.
- 23 *Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI*. Vilnius, 2005. С. 308–345.
- 24 Невозможность для «упорствующих» пользоваться семейным законодательством объясняется тем, что с церковной точки зрения брак является таинством, которое совершает Православная церковь, и только такой брак государство считало законным. Исключение было сделано для «раскольников», которые по закону 19 апреля 1874 г. получили возможность заключать законные браки, невенчаные в Православной церкви.
- 25 Цит. по: *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость. Сб. ст. СПб., 1905. С. 19.
- 26 *Красножен М.* Иноверцы на Руси / Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900. С. 163.
- 27 *Добротин Г. П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 89.
- 28 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 108.
- 29 Там же. Л. 111–113.
- 30 Там же. Л. 113.
- 31 НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 339; *И. Ш.* Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 12. С. 290–293.
- 32 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 11.
- 33 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 111.
- 34 *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI–начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 217–220.
- 35 Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 42.
- 36 Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 1017–1020.
- 37 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.
- 38 *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. Т. II. Казань, 1913. С. 1307–1310.
- 39 НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36–37; Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Д. 37360. Л. 41, 46, 69, 96, 103, 207, 220.
- 40 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 33.